

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Окончание.

Начало в №№ 60, 61, 62.

Ложась рядом с Толиком, Агафья, вздохнув с облегчением, шепнула соседке:

— Ну, слава богу, прошел день, все обошлось благополучно, ничего, видно, не сказал он коменданту. Хотя и староста, а все-таки свой человек, не немец.

— Видно, совесть заела, а может быть, и побоялся, немцы-то удерут, а отвечать ему перед людьми придется. — тихо сказала соседка.

Толик уснул сразу. Разговоры вскоре стихли, погас каганец, стало тихо и темно, словно в могиле. Каждый думал свою невеселую думу. В углу подвала заплакал чей-то сонный ребенок, мать, взяв его на руки, нащупав рукой выход, поднялась по ступенькам и тихо открыла наружную дверь, но не успели они выйти из подвала, как кто-то сильно толкнул их назад. За дверью послышалась грубая немецкая брань. Это был патруль.

Женщина в испуге спустилась по ступенькам вниз и сообщила об этом остальным.

— Что бы это значило? — думал каждый. Ведь у погребца никогда не стояла охрана. Каждый чувствовал, что пат-

руль поставлен неспроста. Было, наверное, уже за полночь, дети все спали, начали дремать взрослые, только Агафье не спалось, и мысли, одна другой тревожнее, лезли в голову, отгоняя сон.

— Как пройдет теперь Мария с Витей? Что случилось там наверху? Почему у погребца немецкий патруль? Хотя бы уж утро скорее!

Но вдруг наверху послышались глухие тяжелые шаги и чей-то негромкий, словон придавленный, стон. Затем, разрывая жуткую тишь, раздался крик:

— Мама! Ма-ма-а-а!

Словно электрическим током пронзил он Агафью. Спотыкаясь о ноги лежащих, она рванулась к выходу и толкнула дверь, но кто-то, преградив дорогу, больно ударил ее в грудь и захлопнул дверь, придавив ее снаружи.

— Маруся, дочечка моя! — вновь рванулась она к дверям, но патруль с силой швырнул ее вниз.

Проснулись все, даже дети, поднялся плач, женщины в ужасе прижимали к себе перепуганных детей.

Но вот вдруг все смолкло — распахнулась настежь дверь, и на фоне лунного света, рванувшегося в просвет, выделились три фигуры. Комендант и два солдата, освещая ступеньки карманными фонарями, спустились в подвал. Остановив круглое пятно фонаря на лице Агафьи, комендант крикнул срывающим-ся голосом:

— Ком!

Женщина встала, опираясь о холодную стену подвала. Комендант шагнул

в сторону, пропуская ее вперед, но не успела она сделать первый шаг, за руку ее схватил плачущий Толик. Один из солдат с силой оттолкнул мальчика и, схватив женщину за плечо, толкнул ее к выходу.

Дверь захлопнулась, шаги удалились, стало вновь тихо, только всхлипывал Толик.

Но вот где-то совсем близко один за другим хлопнули два выстрела, раздался леденящий сердце крик Агафьи, затем снова четыре выстрела.

Одна из женщин взяла Толика на колени и прижала его голову к груди. Все стало жутко понятным: и зов Марии, и эти шесть выстрелов, прозвучавших где-то совсем недалеко от подвала в зарослях терновника. Видно крепко цеплялась женщина за последнюю надежду жить.

Через несколько минут они пришли за Толей, выхватили его из рук женщины и поволокли сопротивлявшегося мальчика по ступенькам. Вскоре в саду прозвучал одинокий выстрел.

Несколько минут жуткой тишины и вновь послышались тяжелые шаги. Колотый холод пробежал по спине, рукам и, добравшись до головы, зашевелил волосы.

— За кем? — этот вопрос вонзился в мозг каждого.

Снова распахнулась дверь, кованые сапоги прогремели по камням ступенек, свет карманного фонаря поочередно вырзал из тьмы прижавшихся друг к другу в ужасе людей.

— Рус, где маленький рус? — кричит озверевший комендант, наводя на каждого пистолет.

— Все капут, все стрелять! — кричит немецкий офицер, и каждый чувствует, что это возможно, они все могут, особенно ночью.

Солдаты ищут за кадками и в кадках, в узлах и постели, щупают подушки, трясут одеяла. Грозя и ругаясь, они выскакивают из погреба.

— Может, не найдут бедняжку, — дрожащими губами прошептала старушка, соседка Агафьи.

— Найдут, в кухне он спит, выкупала его вчера Мария, — сдерживая стук зубов, ответила одна из женщин. — Я шла сюда, она рубашонку на веревке вешала.

Шаги удалились по направлению к дому, но через несколько минут послышались вновь, и опять гнетущая, томительная тишина.

В узкие щелки подвальной двери забрезжил серый рассвет.

Когда с улицы начали доноситься голоса людей и шаги, женщины робко одна за другой вылезли из подвала. Патруля не было. Схватив на руки детей, они бегом, пригинаясь меж кустами и деревьями, стараясь быть незамеченными, бросились к своим дворам, разнося весть о событиях страшной ночи.

По хутору из двора во двор в сопровождении немецких солдат уже ходили посыльные и выгоняли людей на сходку во двор комендатуры. Собраны были почти все жители, на крыльцо вышел ко-

мендант и, мешая русские и немецкие слова, громким голосом сообщил, что сегодня по приказу немецкого командования расстреляна семья партизан, что так будут поступать со всеми, кто последует их примеру.

Понузив голову, стояли старики; утираясь концами платков и рукавами кофт, всхлипывали женщины, прижав к груди детей. Его почти уже никто не слушал, взоры всех были прикованы к маленькой кухоньке, возле которой на веревке, развеваясь на ветру, висела выстиранная вчера Марией маленькая голубая в полоску Витина рубашонка.

Потому ли, что люди никак не могли поверить, что можно совсем ни за что убить трехлетнего ни в чем не повинного ребенка (они не знали тогда об Освенциме и Бухенвальде), потому ли, что ночью в подвале не было слышно последнего выстрела, среди хуторян в первое время ходили настойчивые слухи, что мальчик, возможно, и жив, что его спрятал кто-то из родственников Агафьи. И только два месяца спустя, когда передовая линия фронта временно сдвинулась на восток, когда в Алексеевке установилась тыловая комендатура и когда мать Агафьи, семидесятилетняя женщина, обезумевшая от горя и потерявшая всякий страх, слезами и мольбой выпросила разрешение перенести убитых на кладбище, а старый отец и братья разрыли слегка закиданную землей яму, куда были брошены той ночью

их тела, стало точно известно, что маленький Витя был вместе со всеми в этой страшной могиле.

ЦАРИТ тишина у мраморных плит в мемориальном сквере, здесь время словно остановило свой стремительный бег, возвращая сердце и разум в те суровые, незабываемые, мужественные дни. А рядом, вокруг живет всеми красками сегодняшней день: за изгородью в детском садике резвится звонкоголосая детвора, над весенним цветением садов голубеет ясное небо, спешат машины по гладкому асфальту дорог.

Пройдут годы. Другие люди принесут венки к монументу, другие юноши и девушки повторят возле него клятву верности своей Отчизне, но никогда не угаснет вечный огонь любви и благодарности потомков к тем, чьи имена прочтут они на мраморных плитах.

Здесь, как нигде, ощутимо понятна глубокая сущность сильных, как клятва, несчетно раз повторенных, но неповторимых по своему значению слов: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Да, ничто не должно быть забыто — ни один стон, вырванный из груди, ни одна капля человеческой крови, пролитая врагом, ни один шаг его по нашей священной русской земле: будь это даже самой последней войной на земле и тогда неизмеримы жертвы нашего народа, безмерно высока цена, которой заплачено за наше сегодняшнее счастье.

р. п. Матвеев-Курган.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Продолжение. Начало в №№ 60, 61.

Наконец, Агафья поняла, чего требовал комендант, и утвердительно кивнула головой.

Да, сегодня был праздник, троицын день. Другие праздники вошли за последние годы в жизнь: расцветал улыбками и алыми флагами весенний Первомай, торжественно и радостно отмечали советские люди октябрьские дни, но и этот старинный русский праздник с пряным запахом чабреца, разостланного на земляном полу, с венками из полевых цветов, плывущими по реке, она тоже знала и любила: с ним были связаны воспоминания о детстве и молодости. Но не до праздников было теперь, и ни разу не пришел он ей на память в эти дни.

— Ты пошел, много цветы, понял, а ты здесь, мыть, мыть белье, понял? — со злобой прокричал немец и зашагал в сторону дома.

Молча взяла Агафья мешок и вышла из кухни. Постояв в раздумье минуту, вернулась, сказала Марии, что возьмет с собой и внуков. Тихо, как взрослый, вылез из угла Толик, а маленький Витя не мог сдержать радости и запрыгал в углу.

— Тише! — напомнила ему мать. Озорные огоньки сразу погасли в повзрослевших на миг глазенках мальчика, он вытянул худенькую шейку и заглянул во двор. Взяв за руки детей, женщина вышла с ними на улицу.

Вот и последние хаты хутора, дальше начиналась уже степь. Страшная тоска охватила женщину при виде широкого необъятного простора. Каждый куст, каждый камень у дороги был знаком ей здесь с детства, но теперь лежала степь, брошенная, безлюдная, зарастающая буйным бурьяном. Вся жизнь Агафьи была связана с нею, здесь на узенькой полоске земли вместе с родителями начинала она свою раннюю трудовую крестьянскую жизнь, здесь на широком бескрайнем просторе колхозного поля пришла к ней радость общего труда. Было все в этой жизни: и радости, и невзгоды, и голодное детство в большой

бедняцкой семье, и юность, прошедшая в няньках. Но что значили теперь те большие и маленькие житейские горести и невзгоды в сравнении с этой большой общей, пришедшей на родную землю страшной бедой.

Наскоро нарвав веток лозы, вишняка и первой попавшейся травы, она к обеду вернулась с детьми домой.

Вскоре во дворе раздался голос коменданта, похожий на отрывистый собачий лай. Он бросил злой взгляд на женщину, подозвал двух солдат, находившихся во дворе, и повел их в соседний огород, ткнул пальцем куда-то по направлению кустов терновника, повернулся и зашагал в комендатуру.

— Я после приду, хоть Витю искупаю и рубашку ему постираю, — сказала Мария матери. Взяв за руку Толика, Агафья пошла через дорогу к соседскому подвалу.

В подвале мерцал слабый свет копилки. Воздух был насыщен гарью и запахом сырости и грязной слежавшейся одежды. Расстелив на соломе свою истасканную по подвалам постель, поговорив вполголоса о делах минувшего дня, женщины начали укладываться спать.

Окончание следует.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Продолжение. Начало в № 60.

— Вас? — спрашивает вышедший из хаты немец.

— Вас, вас, паразитов, бомбить летят, кого же еще? — с хитроватой улыбкой отвечает она.

— Некорш русский пилот. — продолжает самодовольный фриц.

— Конечно, некорш, видишь, мимо полетел, трахнул бы тебя хорошенько, так был бы тогда хорош, — соглашается, кивая головой, Агафья.

— Корш, матка, корш! — заключает фриц и уходит, довольный разговором.

Долго тянулись даже короткие зимние дни, а еще дольше, — ночи в холодном, сыром подвале. Но зима всегда сменяется весной, пришла она наконец-то и в этом году. Прозвенела февральскими каплями с крыш, прошумела по безлюдным оврагам мартовскими бурными ручьями и принялась за свою извечную работу. Сочной травой зазеленели поля и луга, лишь остались чернеть воронки от взрывов бомб и снарядов, да свежие холмы недавних могил. Даже поредевшие вишневые сады, искалеченные колесами машин и орудий, приделались в белый весенний наряд.

На смену частям, стоявшим в хуторе зимой, пришла дивизия «СС». Еще без-

радостнее и страшнее становилась жизнь.

В доме разместились комендатура, заняли все комнаты и погреб, оставалась лишь крохотная летняя кухня, в ней и пристроились жить вчетвером, а на ночь уходили к соседям в подвал.

Женщин заставляли стирать. На целый день, а иногда и на ночь, хватало грязного белья, и они с отвращением гнулись над корытом, изнывая от жары в каморке, в которой негде было даже присесть. Но что сделаешь, куда уйдешь, если здесь же в углу сидели осунувшиеся полуголодные Толик и Витя?

Тяжело терпеть обиду и унижения от пришедшего в твой дом врага, но еще труднее их сносить от своих же людей. И не стерпела Агафья, когда пришел к ним однажды хуторской староста и стал требовать чего-то для немцев.

— Ничего больше нет, все забрано, или не видишь? Или не думаешь людям в глаза смотреть, когда наци придут? — пневно блеснув глазами, отрезала она, словно выплеснув накипевшее на душе. Ничего не сказал ей в ответ староста и вышел из кухни.

Нагнулась Агафья ниже над корытом, роняя в мыльную пену порывкие слезы обиды, затем вытерла фартуком руки и лицо, и обняв за плечи дочь, показала взглядом во двор: по ступенькам крыльца в комендатуру поднимался староста.

— Ну и пусть идет холуй немецкий, пусть жалуется, — со злобой сказала Мария.

В тревожном ожидании прошел день, вечером они, как всегда, вчетвером от-

правились в погреб к соседям, где собирались на ночь женщины с детьми из нескольких дворов. Плохо спалось Агафье в эту ночь, мысли одна другой безрадостнее наперебой лезли в голову.

Лишь под утро забылась она в тяжелом коротком сне. На другой день было воскресенье, но как всегда, женщины растопили плиту и стали над корытом с бельем. Комендант по случаю воскресного дня вышел из дому позже обычного и в сопровождении солдат отправился куда-то по улице.

Вернулся он часа через два, прошел мимо кухни, бросил на женщин презрительный взгляд и ушел в дом, через несколько минут вновь вышел во двор и направился к кухне. Остановившись в дверях, он ткнул длинным костлявым пальцем в сторону Агафьи и лающим голосом прокричал:

— Ты плохой женщина! Сегодня праздник, понял? Я видель там праздник, стены, пол, красиво, понял, там. — Он указал пальцем в сторону дома, где жил староста.

Женщины в недоумении переглянулись и непонимающе пожали плечами.

— Ты есть партизан, ты не веришь бога, — не унимался комендант. Он выскочил во двор, сорвал зачем-то зеленую ветку, оборвал с нее несколько листьев и разбросал по полу, а ветку повесил на гвоздик, вбитый в стену, и вновь, теребя висящую ветку, закричал:

— Понял, понял, праздник, надо трава, цветы, красиво, понял?

Продолжение следует.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Я СТОЮ у памятника воинам-односельчанам в Матвеево-Кургане, погибшим в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны. Благодарной рукой современников воздвигнут он в торжественные дни 25-летия освобождения родного села от фашистских захватчиков.

На сером мраморе плит у подножья монумента золотыми буквами высечено триста шестьдесят имен.

Здесь триста шестьдесят самых дорогих, самых священных, триста шестьдесят имен тех, кого нет среди живущих сегодня, но кто вечно живой и вечно с людьми, ибо за каждым из этих имен чья-то вечная скорбь, чья-то жгучая боль, которую не властно залечить даже время, так как нет тяжелей потери, которых нельзя ни вернуть, ни забыть.

В разных, может быть, совсем незнакомых местах довелось им окинуть последним взором землю и небо, но сюда, в родной Примиусский край, послан ими прощальный сыновний привет. В разных местах написана на листе бумаги суровая правда о доле солдата, но сюда, в родные села Примиусья, тяжким грузом шел последний конверт с полевой. Здесь, каменея от горя, прочла его жена солдата, ставшая с этого часа вдовой.

Рядом по светлому скверу идут люди всех возрастов: и те, кто как вчерашний помнит день 22 июня, принесший людям столько горя и страданий, и те, кто знает о нем лишь из рассказов старших и прочитанных книг.

Мне так хочется остановить их, спешащих со стопками книг в светлые школьные классы, рассказать, напомнить им, что не вся еще людская скорбь внесена на плиты, которым суждено стать самой дорогой, самой священной реликвией для всех поколений, что еще многие тысячи дорогих имен остались лишь скорбной записью в тысячах сердец родных и близких, что многих и многих еще нет среди нас потому, что на нашу священную землю пришли они,

поправившие простую человеческую истину, что все рожденное человеком должно жить.

Сколько их, детей и взрослых, искалечено и убито бомбами фашистских стервятников, сколько молодых и старых жизней раздавлено гусеницами танков на дорогах городов и сел, захваченных врагом, сколько мин и снарядов уже в мирные дни прогремело страшным отголоском военных лет, вырвав из жизни тысячи людей, сколько женщин, детей и стариков без всякой вины сожжено и застрелено в тылу врага лишь только за то, что родились на русской земле, куда пришли они, представители «высшей расы» с преступной бредовой идеей сделать ее своей.

Здесь в торжественной тишине мемориального сквера, как нигде, память неуверенно рвется в те далекие, никем не забытые годы, воскрешая суровую боль страшных дней.

Я смотрю в голубые, безмятежно раскрытые на мир глаза малыша, и память переносит меня в суровые дни 1942 года. Воскрешая образ такого же белоглазого мальчугана с голубыми ясными глазами, образ трехлетнего мальчика, по

имени Витя, которого нет среди живых потому, что на нашу землю пришла эта жестокая грозная война.

Много раз я бралась за перо, чтоб рассказать о событиях той страшной ночи, в которую оборвалась его короткая жизнь, и много раз в раздумье откладывала перо: я не писатель, смогу ли найти те нужные слова, чтоб рассказать о том, чего нельзя, невозможно забыть, да и маленький Витя не был героем, он не совершил и не мог совершить никаких подвигов — ему было всего три года в то июньское утро, вставшее над Родиной багряным заревом войны.

Но память о них, чьи имена вписаны в мрамор плит и в сердце каждого, властно требует все пронести через жизнь, все сохранить для других, ничего не предать забвению.

* * *

ХМУРЫМ октябрьским утром 1941 года вошли в хутор Степаново немцы. С грохотом двигались по пустынным улицам большие, серые от пыли танки. Сквозь рев моторов и гусеничный ляг доносилась с дороги чужая непонятная речь. С леденящим душу страхом следили за ними из окон жители хутора.

В черной одежде, со знаками смерти на высоких неуклюжих фуражках въехали немцы в просторный двор колхозника Федора Петровича Серебрянского, где жил он с женой Агафьей, дочерью Марией и двумя внуками, шестилетним Толей и Витей, которому только что пошел четвертый год.

Ворвались в уютные светлые комнаты, нахально развалились на кроватях, заняли весь дом. Семья ушла в сарай, в доме хозяйничали они, наводя «новый порядок»: стреляли уток и кур, обдались, пили, заставляли топить печи, стирать белые. Понял Федор, что он уже здесь не хозяин, и тяжким камнем легла на сердце черная тоска. За несколько недель постарел и осунулся, посерело лицо, сгорбился и скоро совсем занемог.

— Не переживу! — коротко сказал он однажды жене и стал все реже выходить во двор, где хозяйничали незваные гости.

Оменялись немецкие части, в дом приходили новые офицеры и солдаты, но от этого не было легче, пришлось переселиться в погреб, так как в сарае немцы разместили лошадей. С трудом подерживаемый женой, перешел на новое

жилье и Федор, с тоской оглядел захламленный неуютный двор и спустился в подвал. Там и умер он, спустя месяц, в студеной январский вечер. Наскоро вырыли в конце огорода могилу родственники и соседи и закопали без гроба, завернув в одеяло: так всех хоронили в те страшные дни. Через хутор шла линия фронта, днем и ночью над головой с шипением летели снаряды, гулкой дробью выбивали на крутом берегу Миуса немецкие пулеметы.

Остались в погребе жена Агафья и Мария с сыновьями. Крепко не по душе были новые хозяева и Агафье, но не подавала виду: хотелось жить, крепко верила, что пришли они сюда не надолго. Только изредка нет-нет да и сорвется насмешливое слово с уст этой еще крепкой и моложавой для своих пятидесяти лет женщины.

Блеснет задорная искра в больших темно-карих глазах и тут же погаснет.

— Соколики вы наши ясные, хоть бы нас с собой захватили, — приговаривает она, глядя в небо, где слышится рокот самолетов.

Продолжение следует.